

Просьба дать сравнительную характеристику следующих фрагментов:

БЕТХОВЕН — Первая тема траурного марша из III-й симфонии;

ШОПЕН — Первая тема траурного марша из Сонаты b-moll;

ЛИСТ — тема Funerailis;

ГРИГ — «Смерть Азы»;

ЧАЙКОВСКИЙ — вступительное Adagio к VI симфонии;

МОЦАРТ — тема «Lacrimosa» из Реквиема.

3 июля 1942 г.»

Сентябрь, 1982 г.

Л. М. КУТАТЕЛАДЗЕ
ОБ А. А. АДАМЯНЕ

Высокий, бледный, с несколько суровым выражением лица, большим лбом и очень выразительными темными глазами — олицетворение мысли и глубокого понимания всего окружающего, — Аршак Абгарович Адамян невольно задерживал на себе взгляд встречавшего его человека. Совершенно не вязался с внешностью его тихий, доходивший до шепота говор, всегда спокойный, неповторимо красивый голос, в котором лишь чуткий слух мог различить твердость и непоколебимую принципиальность взглядов.

Познакомилась я с Аршаком Абгаровичем в конце 1926 г. в Тифлисе. Он был членом Комиссии Народного комиссариата просвещения, которой была поручена проверка выполнения решений Комиссариата, принятых в 1925 г., о переустройстве Тифлисской консерватории. Так как в этот год я была назначена проректором консерватории, то в основном Комиссии приходилось общаться со мной. Не скрою, что перспектива встречи с Аршаком Абгаровичем, о требовательности и строгости которого я была наслышана, несколько взволновала меня. И как было приятно работать с этим умным, внимательным человеком, глубоко вникавшим во все детали нашей трудной работы!

Аршак Абгарович понимал все совершенно правильно. Спокойно, откровенно он указывал на наши недочеты и объективно оценил проводимую нами работу — ректором консерватории тогда был

известный грузинский композитор Д. И. Аракишвили.

Приближался день 100-летия со дня смерти великого Бетховена и Тифлисская консерватория разработала большой план торжества. В программу заключительного концерта была включена Девятая симфония, впервые исполнявшаяся в Тифлисе. Аршак Абгарович с большой охотой помогал нам в организации небольшого сборника, посвященного композитору, и написал вступительную статью*.

В 1936 г. Аршак Абгарович был приглашен в Ленинградский Институт искусствознания в качестве сотрудника и Ученого секретаря Института, где он сразу же завоевал большой авторитет. Сблизившись с моим мужем, Борисом Александровичем Фингертом, он стал большим другом нашей семьи. Живя в одном доме Института на Исакиевской площади, мы постоянно общались друг с другом. Особенно интересны бывали эти встречи, когда собирались Христофор Степанович Кушнарев и позднее Юрий Николаевич Тюлин. Я тихонько усаживалась в комнате и чувствовала себя счастливой. Сколько интересных, блестящих мыслей высказывалось каждым из присутствовавших — о музыкальных произведениях, о композиторах, о литературе, о философии! Ведь каждый из членов этого небольшого кружка обладал незаурядным умом, огромной эрудицией и неумемной любовью к искусству.

В 1937 г. Институт искусствознания был реорганизован в научно-исследовательский институт музыкознания (при Ленинградской консерватории). Аршак Абгарович совершил буквально героический поступок: он ушел из Института. На целый год он отказался от всяких штатных должностей и, получая буквально мизерную сумму, едва хватавшую на жизнь, засел за литературу по эстетическим вопросам. Работая 12—16 часов в сутки, он за год подготовил курс по эстетике для вузов, который начал вести для аспирантов в консерватории и в Институте. Вскоре к нему стали обращаться за консультациями аспиранты, научные работники, педагоги по искусству. Работы Адамяна по вопросам эстетики, как правило, получили широкое признание в нашей стране.

Дружба наша стала еще теснее, особенно когда приехала в Ленинград супруга Аршака Абгаровича — Нина Степановна. Эта замечательная женщина, необычайной внешней и духовной красоты, была верным другом и помощником своему мужу.

* Статья «Бетховен и революция», опубликована в 1927 г., в Тифлисе. Включена в сборник статей А. Адамяна (Статьи по эстетике. Ереван, 1967).

Несмотря на свою серьезность, Аршак Абгарович очень любил шутить. Но шутки его были настолько нетрадиционные, что их надо было уметь понимать. Он, бывало, подметит какое-нибудь смешное явление и так серьезно об этом скажет, что мне бывало чрезвычайно трудно удержаться от смеха. За это муж меня всегда журил, а Аршак Абгарович потешался: «Михалыч (так он меня в шутку звал), скажите на милость, разве такое могло произойти где-нибудь?». И при этом закрывает один глаз и улыбается лукаво. Многие даже не понимали, в шутку или серьезно это говорится.

Во время Отечественной войны Адамян с женой жили в Ташкенте, куда была эвакуирована консерватория, но в середине войны уехали в Ереван. В 1946 г. они приехали ненадолго в Ленинград по поводу своих вещей и снова возвратились в Ереван.

В последний раз мы виделись с ним в 1947 г., когда Аршак Абгарович приехал заканчивать свою книгу по эстетике. Он прожил у нас месяц с небольшим, занимаясь буквально целыми днями, по вечерам беседуя с мужем. Провожая его в Ереван, прощаясь с ним на вокзале, я не думала, что больше не увижусь с ним, с этим большим, по-настоящему большим человеком.

Воспоминаниями о годах дружбы с ним я чрезвычайно дорожу. Они связаны с самыми счастливыми годами моей жизни.

Опубликовано в журнале «Советакан арвест», 1972, № 12.

П. А. ВУЛЬФИУС

ОБ А. А. АДАМЯНЕ

Аршак Абгарович Адамян — одухотворенный, мудрый музыкант, который удивительным образом мог совмещать обходительность с требовательностью. Он обладал поразительной способностью направить ход дискуссии в нужное русло, верно повести мысль оратора. Поэтому все заседания в секторе музыки (Института истории музыки) проходили великолепно. В доме Б. А. Фингерта, сыгравшего большую роль в приобщении нас к марксистско-ленинской эстетике, где собирались Ю. Тюлин, Р. Грубер, Х. Кушнарев, М. Гергилевич и я, Аршак Абгарович был постоянным присутствующим.

Человек необыкновенного благородства, работая в консерватории, он обладал не только превосходными организаторскими спо-